

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

© 2007 г.

Я.Ю. Васильев

Тверской государственной университет

vestnik_nngu@mail.ru

Поступила в редакцию 12.03.2007

Философия и методология прогнозирования испытывают кризис. Необходимы новые идеи. В качестве перспективного направления предлагается субстанциональный подход, вводящий понятие социальной субстанции, подчинённой закону, аналогичному закону сохранения энергии. Механизм такого рода связи предполагает наличие двух взаимодействующих объектов. Для прогнозирования применение субстанционального подхода означает ориентацию на поиск двух и более элементов, связанных отношением взаимного увеличения или уменьшения. Такого рода связи позволяют глубже понимать механизмы социальных изменений и, соответственно, делать более точные прогнозы.

Исследование будущего все больше притягивает внимание, поскольку общество, био- и геосфера Земли становятся всё более хаотичными и непредсказуемыми.

Сегодня мы видим озабоченность будущим и в антропологии, и в теософии, не говоря уже о социологии или политологии. Все мыслители так или иначе ориентированы на постижение будущего. Даже в области философии интерес специалистов по прогнозированию постепенно переходит из социальной сферы в область онтологии. Проблема предвидения будущего ставится уже как проблема бытия.

Поэтому даже философское осмысление вопросов, связанных с устройством мироздания, само по себе, независимо от желаний автора, касается проблем прогнозирования.

Вторая половина XX века ознаменована прогностическим бумом. Футурология выделилась в самостоятельную дисциплину со всеми присущими отдельной отрасли знания проблемами. Произошел качественный сдвиг в методологии прогнозирования. На смену аналитическим, описательным формам познания пришло моделирование. Системный подход занял главенствующее место в попытках научного познания будущего. Появилось огромное количество (около двухсот) прикладных прогностических методик [16, с. 616].

Однако, несмотря на значительные организационные и методические успехи, смело можно говорить о **кризисе прогнозирования**. В чем он проявляется? Прежде всего обращает на себя внимание негативный опыт западной футурологии. По меткому выражению С. Лема, современные футурологи постоянно выдают ворох новых прогнозов, не думая об их достоверности, а просто зарабатывая на хлеб с

маслом [7, с. 8]. Встроившись в социальные институты, футурология стала выполнять функцию оперативного обеспечения субъектов политической и экономической игры. Это целая индустрия разработки и реализации всяческих сценариев. Увы, к подлинному исследованию будущего вся эта деятельность имеет очень опосредованное отношение. Их аналитические выкладки, по всей видимости, имеют крайне слабую прогностическую ценность, так как на практике такого рода работы воспринимаются только как политически ангажированные, идеологически нагруженные рекомендации для конкретных политических или экономических шагов. Интерес Запада к будущему ограничен усилиями, направленными на консервацию существующего положения вещей, на сохранение собственного лидерства (Панарин) [11].

Но кроме политической ангажированности и проблем, связанных с функционированием отдельных социальных институтов, в прогнозировании есть и серьезные методологические трудности. Любая методология выводится из определенного философского учения. И только на основе этой методологии вырабатывается модель конкретного процесса. Из этой модели выводятся тенденции и прогнозируются отдельные события. Такова, вкратце, схема, на которую опирается прогнозирование. И действительно, американская футурология базируется на философии позитивизма [8], советское прогнозирование опиралось на философию исторического материализма [6]. Однако успехи в постижении будущего у этих и у других философских систем более чем скромные.

Дело в том, что на пути построения работоспособной модели общества стоят принципиальные трудности. Прежде всего это свобода воли самого человека, вносящая неопределенность в социальную динамику. Сюда же можно отнести множество теоретических и методологических проблем. Это и отсутствие работоспособной модели человеческого общества, и слабый понятийный аппарат. Социальные факты неповторимы, а выстраивать на основе уникальных фактов закономерности чрезвычайно сложно.

Есть некие отрывочные, эмпирически найденные зависимости, которые дают узкие и ненадежные прогнозы. Поппер вообще отказал в праве на существование социальному прогнозированию [13]. Именно методологический кризис социального прогнозирования стал причиной растущей заинтересованности со стороны профессиональных исследователей будущего в расширении концептуальной и методологической базы. Так, активно развивается синергетическое прогнозирование [2, 5].

С помощью синергетики были открыты интересные закономерности. Оказывается, что перед крупным сдвигом, перед наступлением общесистемной бифуркации, предсказуемость поведения системы возрастает, т.е. её поведение становится как бы «однозначным» (Д. Лэмпер, Р. Мансилла, Г. Малинецкий, Е. Князева).

И, наконец, сами прогнозисты пытаются выстраивать полноценные социометрические модели, ориентированные на постижение будущего (Перселегин) [12].

Как мы уже отметили, прогноз возможен только при наличии модели, на основании которой строят конкретный образ будущего.

Так, включение в прогноз новых (неизвестных ранее) параметров, позволяющих повысить качество исследования, можно воспринимать как определенное научное достижение. Современное прогнозирование все больше обращает внимание на моделирование динамических систем, которые бы адекватно соответствовали процессам, происходящим в жизни общества. Мир становится сложнее, динамичнее, объектом исследования становится сам процесс этих изменений.

Акцентирование внимания на изменчивости предполагает поиски алгоритма этой изменчивости. А такой алгоритм, в свою очередь, нельзя выстроить без адекватного категориального аппарата. Для разрешения проблем прогнозирования необходимо

взглянуть на него с философской (предельно общей) точки зрения.

Итак, несмотря на высокую актуальность, проблема прогнозирования до сих пор не решена (особенно в долгосрочной перспективе) и вызывает множество споров. Поэтому учёные ставят вопрос о расширении проблемного поля, о поиске новых подходов к пониманию будущего и возможности его предвидения, прогнозирования. Отсюда интерес к онтологическим и гносеологическим основаниям проблемы будущего.

Наша работа не претендует на большие системные обобщения. Речь идет о расширении категориального поля прогнозирования, включении в понятийный аппарат терминов, ранее не применявшихся для исследования будущего. Мы предлагаем вернуться в исследование будущего к таким онтологическим и гносеологическим категориям, как *субстанция*, *дуализм*, *рационализм*. Эти категории могут быть взаимоувязаны таким образом, что позволяют дать новый взгляд на некоторые проблемы прогнозирования и, в конечном счёте, улучшить качество прогнозов.

Субстанция – это одна и старейших, но в то же время сложнейших философских категорий. В разработке этого понятия есть множество аспектов. Прежде всего это поиск единой первоосновы мира и четкое определение этой первоосновы. Уже милетская школа показала невозможность привязки субстанции к какой-то конкретной форме материи. Однако в качестве претендентов на звание субстанции постоянно предлагаются те или иные объективно существующие феномены. В естественных науках от субстанции, казалось бы, давно отказались. Эйнштейн при изучении вопросов, связанных с пространством и временем, показал, что для субстанции в физике нет места. Но сейчас можно наблюдать и обратный процесс (А. Левич). К примеру, теории физического вакуума обращаются в своих моделях к субстанциональным идеям. Среди доступных нашему пониманию форм бытия претендовать на звание субстанции (в прогностическом аспекте) может такое понятие, как время. Время уже не как форма существования субстанции, само время как субстанция.

Время присутствует и в природе, и в социальной сфере. Оно действительно универсально. Время – это феномен, без которого невозможно описать никакие явления изменчивой действительности. Время есть часть

целостности, включающей в себя также и движение, и пространство.

Уловить и описать эту целостность на уровне, допускающем содержательный анализ, пока не удалось. Но время обладает только ему присущими качествами, что позволяет рассматривать его относительно изолированно от остальных аспектов этой целостности. Есть теории, которые рассматривают время как субстанцию и в физическом смысле (Н. Козырев, Л. Шихобалов и др.). Время в концепции Н. Козырева [7] представляется в качестве вездесущего и всепроникающего потока. Этот поток выступает необходимым условием любого причинно-следственного взаимодействия. В модели Л. Шихобалова [20], развивающей идеи Минковского, субстанциональными характеристиками наделяется пространственно-временной континуум.

Что же касается социальной реальности, то тут дело гораздо сложнее, есть целые философские и околонучные школы, выстраивающие свои системы на таких понятиях, как: «энергия народа», «дух нации», «жизненная сила», «пассионарность» и др. Большие проблемы возникают при верификации таких категорий, поскольку они трудноописуемы и часто опираются на образы или некие аналогии, которые использовать в прикладном прогнозировании очень трудно.

Однако идея применения субстанции в социальной сфере очень заманчива. Эта категория позволяет сконцентрировать внимание на различных аспектах изменчивости и увеличить наши прогностические возможности. Понятие субстанции целесообразно увязать с широко распространенным системным подходом. Именно рассмотрение социальных феноменов как открытых систем выявляет особенность, в рамках которой и востребована категория субстанции.

Мы не собираемся возводить понятие субстанции в абсолют. *Мы предлагаем применить понятие субстанции в качестве чисто методологического приема для описания довольно узкой категориальной и параметрической зависимости, аналогичной закону сохранения энергии в природе.*

В физике энергия переходит из одной формы в другую. Механизм этого перехода – важная составляющая естественных наук. Нас в данном ракурсе интересует парная взаимосвязь явлений, которую можно было бы спроецировать и на прогнозирование

социальной сферы. Взаимозависимость такого рода, имеющаяся в общественной жизни, пока изучена слабо. Но можно предположить, что парные зависимости и в социальной сфере будут иметь силу научного закона, и на основании такого закона можно будет прогнозировать целый комплекс социальных явлений. К понятию субстанции мы обращаемся для привязки указанной зависимости к четкой и ясной категории.

Итак:

- Социальная субстанция есть понятие методологическое.

- Субстанция – основание всех социальных явлений. Социальная субстанция – это совокупность субъектов (люди, социальные группы, институты), связанные социальными отношениями. Одним из видов субстанции является время (в том числе социальное время как поток действий субъектов).

- Социальная энергия – свойство субстанции, аналогичное физической энергии. Социальная энергия – это способность производить действие. Эта способность может проявляться в виде перехода из одного состояния в другое.

- В качестве такой субстанции в каждом конкретном случае может выступать совершенно определенный носитель. Это или количество людей, готовых действовать установленным образом, или финансовые ресурсы (так, увеличение бюджетных расходов в одной области неизменно ведет к сокращению финансирования других статей). Можно даже сказать, что все это – частные выражения «социальной субстанции».

Включение этой категории в прогностическое исследование позволяет акцентировать внимание на поиске зависимостей, сходных с законом сохранения в физике. Это, в свою очередь, позволяет точнее представить будущее состояние изучаемого явления.

Для более четкого понимания субстанционального подхода следует указать, что тот структурный уровень бытия, на котором находится общество, выражен в виде конкретных явлений и объектов, ограниченных в пространстве и во времени. Это очень важно, ибо требует практического решения проблемы соотношения единого и многого. Единое – это общее во многом. Его и приходится искать для выстраивания достоверной и работоспособной модели, пригодной для изучения будущего. В качестве единого принципа, проявляющегося в

самых разных формах, и может выступить субстанция.

Простейшей формой, в которой проявляет себя субстанция, выступает дуализм. Закон сохранения социальной энергии легче всего описывается в виде взаимодействия двух элементов. Также дуализм выступает как прием, позволяющий редуцировать множество конкретных явлений и объектов, взаимодействующих между собой до пары взаимоисключающих альтернатив. Это необходимо как самый первый и наиболее простой способ обобщения изменчивой реальности.

И. Пригожин указал на одно интересное свойство нашего мира: «Вселенная находится не в равновесии. Существуют только два неэквивалентных решения: вещество и антивещество, и вещества образуется больше» [15, с. 49]. Любой процесс перехода из вероятности в реальность есть бифуркация, необратимый выбор. Дуализм – это признак сложности системы. «Сложность – это состояние системы, при котором в заданных условиях есть больше одного возможного решения» [15, с. 52]. В таком ракурсе дуализм, который мы хотим рассмотреть, есть простейший случай сложности. Принцип дуализма, на который мы хотим указать, не претендует на фундаментальность и универсальность. Скорее это частный случай вариативности и наиболее простой случай неопределенности. Хотя, надо признать, для абсолютизации этого принципа есть большой соблазн. Так, выделяют дуализм онтологический. У Декарта – это противопоставление субстанций: мыслящей и протяженной, у Маркса – это противопоставление бытия и мышления. Из онтологического дуализма следует гносеологический дуализм: противопоставление субъекта и объекта. Можно выделить дуализм этический: добро – зло. Продолжать можно до бесконечности. Даже Поппер, критикуя диалектику, был вынужден признать, что у диалектики есть некоторые основания: «...Если мы повнимательнее присмотримся к так называемым противоречивым фактам, то поймем, что все предложенные диалектиками примеры выявляют одно – а именно то, что наш мир обнаруживает определенную структуру, которую можно описать, пожалуй, с помощью слова «полярность» [14, с. 132].

Именно при описании такого рода «полярностей» проявляется важнейшее свойство субстанции – ее *сохраняемость* (неуничтожимость).

Возьмем, к примеру, такие понятия, как «тоталитаризм» и «либерализм», и посмотрим на них не в узко политическом, а, так сказать, в концептуальном аспекте. В США можно свободно ругать президента и устраивать политические акции. Никому до этого нет дела. А на уровне трудового коллектива, фирмы, производства царит настоящая тирания, тоталитаризм, произвол руководства и раболепие подчиненных. В позднем СССР все было по-другому. Высшую власть надо прославлять и демонстрировать полное послушание, а на работе допустимы вполне широкие поведенческие возможности – от полного разгильдяйства и мелкого воровства до принципиальности и критики своих начальников. Этот несколько утрированный пример показывает, что нельзя сказать, «у этого народа свободы больше, а у другого меньше». Таким образом, на уровне конкретных социальных феноменов, допуская субстанциональную природу взаимосвязи между ними, надо признать, что их баланс (количество социальной энергии) – величина постоянная. Видно, что и тоталитаризм, и либерализм присутствуют в обоих обществах, приведенных в качестве примера, только расположены они на противоположных полюсах социальной структуры.

Такие парные зависимости можно найти практически во всех сферах жизни. К примеру, ослабление семейных привязанностей приводит к укреплению связей на работе (современная западная устремленность на карьеру, в ущерб строительству семьи, или личные напряженные отношения в семье приводят к тому, что человек более искренне и заинтересованно проводит время на работе).

В этом ключе можно интерпретировать концепцию З. Фрейда, описывающую человеческую и социальную деятельность как взаимодействие двух противоположных сил, инстинктов жизни и смерти. Концепция Фрейда, на наш взгляд, также полезна при объяснении некоторых детерминированных парных взаимосвязей. Речь идет о его модели вытеснения или замещения, суть которой в том, что подавленное стремление обязательно проявится в другой форме. К примеру, жестокие и бездушные люди могут быть очень сентиментальны. Одинокая старушка может ненавидеть людей, но обожать кошек. Такая модель предполагает наличие в психике человека взаимосвязанных каналов между сферами его духовной деятельности. Если эти каналы детерминированы, то можно с

уверенностью прогнозировать, в какой форме произойдет сублимация подавленных стремлений.

Когда некая сила, стремление, потенция не находит выхода по одному каналу, она выходит по другому. Напрашивается аналогия с двумя сообщающимися сосудами, в которых жидкость стремится к равновесию. Однако равновесие здесь необходимо понимать не как статичный баланс, а как некую форму динамического взаимодействия. То есть в человеке есть набор неких неизменных заданных качеств, которые невозможно уничтожить, они все равно будут проявляться в какой-либо форме. Эти примеры показывают, что и на антропологическом уровне также можно говорить о некоем дуализме.

Методологически такой подход подразумевает определение некоего пространства, «поля», в рамках которого работают эти понятия. Принятие тезиса о сохранности субстанции означает, что исследуемое явление не увеличивается или уменьшается, а перемещается с одного полюса на другой.

Однако не все так просто. Во-первых, не все понятия можно увязать в этикие «диалектические пары». К чему приведет уменьшение количества стульев в некоем учреждении? К увеличению количества кресел? Табуретов? Скамеек? Нельзя сказать, что понятия «стул» и «табуретка» есть понятия противоположные. В данном случае мы имеем множество предметов одного класса. И применить субстанциональный подход здесь кажется затруднительно. Но это не так.

Возьмем, к примеру, соотношение таких понятий, как социальная (классовая), этническая и религиозная дифференциация. Все эти три фактора служат мощным источником как объединения, так и разделения людей. В истории есть примеры и доминирования, и ослабления каждого из этих факторов. Именно борьба людей за социальную справедливость в эпоху капитализма сделала вторичными религиозные и этнические различия. Безусловно, эти факторы не исчезли, и можно привести множество примеров, когда социальные границы совпадали с религиозными и этническими границами. Но сама идеология либерального капитализма проводила различия между людьми именно по принципу личных качеств. Феномен нацистской Германии показывает нам, что доминирование идей расового, национального единства привело к ослаблению идей социальной справедливости,

сместив акценты с классового (внутринационального разделения) на внешнее, межнациональное. Еще более показателен пример распада СССР. Ослабление идеологии социализма сопровождалось взрывным ростом популярности националистических идей (особенно в бывших союзных республиках). В мировом масштабе мы можем наблюдать возврат к противостоянию на религиозной и этнической почве, а проблемы социальной справедливости сейчас либо удел маргинальных политических группировок, либо область риторики государственных деятелей третьего мира, недовольных распределением мирового богатства.

Осмелимся предположить, что в перспективе ослабление этнических и религиозных противоречий, возможно, приведет к возрождению идей социальной справедливости.

Даже если взаимодействующих явлений три и более, характер взаимодействия между ними все равно не меняется. Суть субстанционального подхода заключается в фиксации элементов, между которыми и происходит процесс взаимного изменения (увеличения одного и уменьшения другого). Независимо от количества взаимодействующих элементов сам процесс однотипен, он аналогичен проявлению закона сохранения энергии в природе. Количество элементов в таком случае не является препятствием. Их всегда можно сгруппировать по признаку уменьшения или увеличения.

Отличным примером такого взаимодействия является знаменитая концепция пределов роста. Разработчики этой модели очень хорошо показали количественную и качественную взаимосвязь множества параметров. Иногда можно объединить большое количество конкретных явлений по принципу общности. Так, наша страна от массового атеизма проходит путь к возрождению религиозного сознания, причем увеличивается влияние и традиционных религий, конфессий и различных сект.

Также необходимо учитывать, что общество разделено на различные сферы. Так, обычно выделяют экономическую, политическую и духовную сферы. Каждая из них представляет собой систему, имеющую набор различных форм и состояний. В политике это принципы демократии или тоталитаризма, в экономике – рынок и планирование и т.д. Взаимодействия между сферами общественной жизни характеризуются принципом всеобщей взаимосвязи. Разнообразные положительные и

отрицательные обратные связи составляют социальную структуру. Изменяя какой-либо параметр в экономике, мы автоматически изменяем характеристики политической, социальной и духовной сферы. Сейчас существует множество схем и моделей, выстраивающих такие связи. Некоторые даже предлагают говорить о социомеханике (А. Зиновьев, С. Переслегин) [4, 12]. Такой подход к обществу характеризуется жестким детерминизмом. Ведь определив «механические» связи между сферами, можно легко сказать, какие последствия принесет то или иное социальное действие. Однако такая механистическая картина не объясняет природы нового в обществе, и к тому же прогностическая ценность этих моделей пока очень мала.

Субстанциональный подход шире механистического хотя бы потому, что лучше иллюстрирует принцип всеобщей взаимосвязи. В субстанциональном подходе нельзя разграничить явления, способные взаимодействовать между собой и не способные на это. Как мы уже отмечали, крах мировой системы социализма привел не к повсеместному торжеству либерализма и концу истории по Фукуяме [18], а к возрождению религиозного и этнического размежевания. То есть жесткая механистическая связка «либерализм – коммунизм» не сработала.

Сам по себе принцип сохранения иллюстрирует одну форму взаимодействия. Закон сохранения проявляется как однонаправленный процесс. Но ведь физические объекты обмениваются и веществом, и энергией, и информацией одновременно, обогащая друг друга. Канал взаимодействия – это дорога с двусторонним движением. Механизм взаимодействия, в котором проявляется принцип сохранения, распространяется на все взаимодействующие объекты. Все это говорит о том, что принцип сохранения применительно к социальной сфере требует очень внимательного изучения и осторожного применения.

Понятие субстанции можно применять для объяснения социальных связей и отношений, сходных по своим свойствам с законом сохранения импульса. Сам по себе процесс переноса некоего качества или свойства через большой временной отрезок предполагает, что есть некий толчок, давший начало импульсу, и определенные условия, позволяющие совершить такой перенос. В качестве такого

условия и выступает социальная субстанция. Сохранение импульса в социальной среде напрямую связано с сознательной деятельностью людей. Отдаленные последствия принятых решений часто очень драматичны. Необдуманно запустив некий механизм, люди осознают его губительность слишком поздно. Трагическая история нашей страны богата примерами такого рода. Безответственные политики много раз принимали решения, катастрофические последствия которых проявлялись много позже. С кого сейчас спрашивать за развязанную в 1979 году афганскую войну, превратившую эту страну в совершенно неуправляемый регион? Думали ли политики того времени, что создают устойчивый источник наркоторговли и исламского радикализма? Есть известная поговорка: «Божьи мельницы мелют медленно», она иллюстрирует разницу между психологическим и социальным уровнями бытия. Так, пополнение бюджета за счет широкой продажи алкоголя буквально сокрушает рождаемость нашего народа. На уровне межличностных отношений и частного интереса у нас очень часто происходит использование социальных инструментов для решения частных задач. У нас на бытовом уровне чиновники всех рангов даже в самые острые для страны времена использовали служебное положение для наживы. В начале XX века это привело страну к революции. А революционный террор оказался явлением, обладающим огромной инерцией (по сравнению, например, с демократизацией), он затух только к началу 50-х годов.

В философии культуры глубоко и предметно изучают послания, культурные коды, архетипы, духовные истины, несущие себя через века. Импульсы, порождённые в глубокой древности, и не думают затухать. Возникновение этих феноменов блестяще описал К. Ясперс в концепции осевого времени [21]. На фоне этих действительно величественных импульсов кажется, что сменяющие друг друга поколения людей всего лишь выполняют функцию переносчиков этих откровений из прошлого в будущее.

Однако все сказанное выше пока довольно условно и декларативно связано с прогнозированием. Такого рода взаимозависимость разного рода явлений – это скорее методологический элемент системного анализа, не имеющий привязки к проблемам предвидения. Но если мы добавим к изучаемым аспектам фактор будущего, то картина станет

сложнее и, безусловно, может быть включена в методологический арсенал прогнозирования.

Поиск взаимосвязей между явлениями, проявляющихся как взаимное увеличение или уменьшение, позволит расширить исследовательское поле прогнозирования.

Возьмем, к примеру, политическое прогнозирование. Специфика политического прогнозирования заключается прежде всего в ситуативном характере политического процесса. Так, политические прогнозы, в которых авторы, допустим, предрекают падение какой-либо державы, возможные войны и конфликты или, наоборот, процветание и лидерство определенных стран и регионов, выстраиваются как цепь гипотетических ситуаций, показывающих развитие кризиса или этапы роста. Можно привести множество таких примеров. Так, советский диссидент А. Амальрик в своей нашедшей работе «Просуществует ли Советский Союз до 1984» декларировал идею о крайней слабости советского режима. Для иллюстрации этого смелого предположения (работа вышла в 70-х) он предрекал внутренний конфликт между партийным руководством и верхушкой КГБ, рост напряженности в отношениях между СССР и Китаем и т.д. Советский Союз действительно развалился, но цепь конкретных ситуаций, приведших к системному кризису, была совершенно другой. Другой проблемой является указанное выше отсутствие четкой границы между прогнозированием и планированием. То есть прогноз воспринимается как руководство к действию. Зачем ждать, произойдут указанные события или нет, их можно инициировать. И если расчеты аналитиков верны, ситуация действительно приблизится к предсказанной. Это, конечно, не прогнозирование, а скорее стратегическое планирование с элементами прогноза.

Большим пороком такого прогнозирования является его узость и односторонность. Безусловно, прогноз всегда должен носить конкретный характер. А значит, он естественно ограничен какими-либо рамками. Это приводит к тому, что прогнозирование гонится за описанием фактов событий или явлений как изолированных, вырванных из более общего контекста. Конечно, нельзя расширять количество значимых факторов до бесконечности. Всегда можно найти существенный, но неучтенный при анализе параметр и объявить прогноз несостоятельным именно из-за этого неучтенного параметра.

Субстанциональный подход и призван сделать шаг, который, с одной стороны, позволит расширить сферу прогноза, а с другой – не требует бесконечной погони за детализацией или расширения анализируемого явления до гипертрофированных размеров.

В примере с работой А. Амальрика модель разрушения СССР необходимо было бы дополнить вопросом: «А кто усилится в результате такого разрушения?». Все советологи, априори, были уверены, что в результате падения советского режима однозначно победит Запад. Другие субъекты политики практически не рассматривались. Субстанциональный подход позволяет шире видеть возможные перспективы.

Часто можно заметить, что ряд идей, замыслов, целей при их практической реализации воплощаются в нечто совершенно противоположное. Например, идея построения коммунизма в СССР. Цель создания нового справедливого общества противоречила практике формирования партийной номенклатуры, заинтересованной не в реализации программы воспитания гуманистического общества, а скорее в расширении полномочий бюрократической машины и сохранении реальной власти в руках уполномоченных чиновников. Энтузиазм населения (например, комсомольской молодежи на великих стройках), безусловно, эксплуатировался под лозунгом построения счастливого будущего (ради которого стоит терпеть невзгоды настоящего), но за счет этого энтузиазма решались проблемы текущие, удовлетворялись насущные потребности (а конкретно – повышение обороноспособности страны и содержание партийно-бюрократического аппарата).

Для объяснения этого феномена мы должны обратиться к теории управления. Любой ответственный политик знает, что располагает ограниченным набором ресурсов. И всегда перед ним встает дилемма: либо мы решаем проблемы текущие (усугубляя проблемы будущего), либо мы решаем проблемы будущего, но за счет настоящего. Будущее и настоящее в этом ракурсе выступают как субстанционально связанные объекты. Так, продажа невозможных полезных ископаемых позволяет нашей стране здесь и сейчас выплачивать зарплаты бюджетникам и вести очень комфортабельный образ жизни работникам сырьевых компаний. Но это означает, что в будущем наши потомки будут лишены жизненно важного сырья. Выстраивая

общество потребления сегодня, придется платить за это необратимым загрязнением среды и гибелью биосферы в будущем. Однако забота о сохранении природы для будущих поколений требует от общества серьезного самоограничения здесь и сейчас.

Также понятие субстанции позволяет объяснить некоторые феномены социальной реальности, выраженные динамически (т.е. описать которые можно только с помощью времени). Например, эффект эстафеты в технологической модернизации. Эпоха промышленного индустриального производства породила самое значительное проявление технологии в нашей жизни. Речь идет о научно-технической революции. Эрих Фромм в статье «Гуманистическое планирование» указывает на специфическую особенность технологии в промышленную эпоху. Он говорит: «Каждый должен делать все, что находится в пределах возможностей техники. Этот технологический принцип означает: если у нас есть возможность полететь на Луну, мы безотлагательно должны ее осуществить. В такой перспективе техническая осуществимость оказывается первоосновой всех ценностей» [17, с. 76]. Другими словами, этот принцип звучит так: любое техническое новшество будет внедрено во все сферы общественной жизни с максимальной полнотой.

Этот феномен иллюстрирует другую, более общую аналогию. Принципы технологического развития похожи на стремление жизни к безграничному расширению. Этот линейный взгляд очень распространен в западной футурологии (Кан, Тоффлер, Фукуяма и др.). Но если рассмотреть это явление с применением категории субстанции, то мы получим следующую картину. Технология (как фактор общественного развития) демонстрирует некоторые качества субстанции. Субъекты технологического развития – это конкретные страны или организации. И именно на этом уровне можно увидеть, как выбор приоритетов определяет развитие одних отраслей и стагнацию других. Более того, комплексное лидерство не вечно. Благодаря эффекту модернизации, эстафету приостановившихся технологических лидеров тут же подхватывают другие страны. Технология, для того чтобы сохранять неуклонное линейное развитие, как бы меняет уставших «лошадей» на более свежих.

И действительно, промышленный переворот первым произошел в Англии в XVIII веке. В результате в конце XIX века у англичан была

устаревшая паровая промышленность, а во Франции и Германии процесс модернизации начался гораздо позже, но сразу на новом технологическом уровне. Здесь проявила себя проблема морального устаревания техники. Вполне надежное и работоспособное оборудование, которое может служить достаточно долго, вытесняется новейшими образцами, и если не производить регулярную замену, то есть риск окончательного отставания. В технологическую модернизацию Россия вступила позже остальных европейских держав. До начала XX века она была аграрной страной, и во время индустриализации у нас было установлено самое новое, самое передовое на тот момент промышленное оборудование, и в результате страна очень долго смогла на равных конкурировать с западными странами, развивавшими технологию довольно давно.

Как видим, включение взаимосвязей, приписанных к понятию субстанции, позволяет не только акцентировать внимание на аспектах, которые часто выпадают из прогностического исследования, но и показать, что в социальной сфере выявление такого рода зависимостей открывает большие возможности для детального и многоаспектного анализа социальных явлений, развивающихся во времени.

В данном контексте встает вопрос о месте человека, о его роли в социальных явлениях. В прогнозировании большое значение имеет анализ поведения людей. Сознательное участие человека в формировании будущего оправдано в ситуации стабильности и надежности, именно тогда выявление негативных тенденций позволяет оперативно предпринимать шаги по недопущению кризисов. Если деятельность сознательно строится на определенном варианте выбранного будущего (как в США воплощают концепцию постиндустриального общества), то даже эта деятельность не ограждает от возможных серьезных кризисов.

Для учета роли сознательной деятельности людей в формировании будущего надо обратиться к понятию рационализма. Этот термин мы употребляем в совершенно определенном контексте. Он означает, что в момент бифуркации (конкретного выбора) количество возможных вариантов сводится к двум взаимоисключающим альтернативам. Выбор зависит прежде всего от рациональности субъектов общественного процесса. Можно увидеть, что при принятии конкретных решений будет выбрано нечто противоположное уже существующему. Так, на

наших глазах социалистическая модель была заменена на капиталистическую. Когда возникла проблема реформирования социалистической системы, рецепты улучшения стали искать не в дальнейшем углублении социалистических принципов, а, наоборот, во внедрении принципов совершенно противоположных. Безусловно, абсолютизировать это наблюдение нельзя, но и игнорировать его или отрицать отсутствие этого явления тоже, на наш взгляд, было бы ошибочным. *Рациональный выбор выступает как проявление закона сохранения в той области социального, которая формируется при прямом участии человека.* Человек, умозрительно оперируя явлениями действительности, склонен сводить их к парам противоположностей (наша работа, отчасти, находится именно в этом русле). О психологических предпосылках такого подхода мы упоминали выше. Проблема бинаризма (или дуализма) сейчас очень серьезно обсуждается [1]. Однако, независимо от причин такого феномена, рациональный выбор людей между двумя оппозициями в практической жизни необходимо учитывать как постоянно действующий фактор, на который можно опираться при прогнозировании. Таким образом, можно предположить, что человек своими решениями направляет движение субстанции, делая выбор между альтернативами.

Итак, подводя итоги, стоит отметить следующее. Гносеологический и методологический кризис прогнозирования стимулирует поиск новых идей и направлений. Для расширения категориального и теоретического поля социального прогнозирования можно обратиться к таким понятиям, как субстанция, дуализм и рационализм. Понятие субстанции применимо в качестве методологического приема, помогающего описать узкую, но довольно интересную параметрическую зависимость. Образно эта зависимость похожа на закон сохранения в его самой простой формулировке. В социальной сфере закон сохранения невозможно четко привязать к конкретным формам существования материи. Понятие субстанции помогает указать на проявления этой закономерности, без привязки к какому-либо одному параметру. Эта зависимость хорошо проявляется в случае взаимоисключающей оппозиции каких-либо явлений. Однако такую взаимосвязь нельзя неоправданно обобщать. Можно показать, что

уменьшение одного параметра приводит к увеличению сразу нескольких связанных с ним параметров. Разделение общества на сферы также усложняет картину. К тому же необходимо учитывать, что в реальности взаимодействие объектов чаще всего носит обоюдный характер. Дуализм – это неотъемлемый элемент субстанционального подхода. Он фиксирует саму структуру указанной взаимосвязи. Дуализм проявляет себя и на онтологическом, и на антропологическом уровне. Независимо от того, насколько он оправдан, его необходимо учитывать хотя бы потому, что дуализм – это постоянно действующий фактор научной картины мира и общества. Субстанциональный подход позволяет включить в прогнозирование ряд параметров, обычно выпадающих из области конкретного исследования.

Важным условием субстанционального подхода в прогнозировании является понятие будущего. Разрыв между будущим и настоящим в деятельности людей может привести к противоречиям и проявлению указанной зависимости.

Понятие рационализма в данном контексте фиксирует момент субъективного выбора между альтернативами. Причем нельзя сказать, что этот выбор свободный. Мы полагаем, что люди склонны выбирать ту альтернативу, которая противоположна существующей.

Безусловно, данная статья оставляет больше вопросов, чем ответов. Однако мы надеемся, что намеченные в нашей работе направления достаточно перспективны.

Список литературы

1. Баранцев Р.Г. Тернарный ответ на бинарный вызов / Р.Г. Баранцев // Вызовы современности и философия. Бишкек, 2004. С. 102–107.

2. Войцехович В.Э. Социальное прогнозирование: синергетический подход / В.Э. Войцехович // Проблема человека: мультидисциплинарный подход. М.: Институт микроэкономики МЭ РФ, 1998. С. 156–157.
3. Впереди XXI век: Перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной практической прогнозистики. М.: Academia, 2000. 480 с.
4. Зиновьев А.А. Зияющие высоты / А.А. Зиновьев. М., 1990.
5. Капица С.П. Синергетика и прогнозирование будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. М., 1997.
6. Лавалле Л. За марксистское исследование будущего / Л. Лавалле. М.: Прогресс, 1974. 142 с.
7. Левич А.П. Время — субстанция или реляция? Отказ от противопоставления концепций / А.П. Левич // Философские исследования. 1998. № 1. С. 6–23.
8. Лем С. Молох / С. Лем. М.: АСТ, 2005. 781 с.
9. Лем С. Фантастика и футурология / С. Лем. М.: АСТ, 2004. Т. 1, 2. 667 с. С. 91.
10. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
11. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. М.: Алгоритм, 2002. 348 с.
12. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. М.: АСТ, 2005. 621 с.
13. Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер // Вопросы Философии. 1992. № 8–10.
14. Поппер К. Что такое диалектика? / К. Поппер // Вопросы Философии. 1995. № 1.
15. Пригожин И. Определено ли будущее? / И. Пригожин. М.: ИКИ, 2005. 233 с.
16. Социология в России. М.: Институт Социологии РАН, 1997. 693 с.
17. Фромм Э. Кризис психоанализа / Э. Фромм. СПб.: Академический проект, 2000. 14 с.
18. Фукуяма Ф. Конец истории / Я. Хинтикка // США ЭПИ. 1990. № 5.
19. Хинтикка Я. О подходящих (попперовских?) и неподходящих способах употребления понятия информации в эпистемологии / Я. Хинтикка // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: УРСС, 2000.
20. Шихобалов Л.С. Время: субстанция или реляция?.. Нет ответа / Л.С. Шихобалов // Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской академии естественных наук. 1997. № 1 (4). С. 369–377.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М.: Республика, 1994.

SUBSTANTIAL APPROACH IN METHODOLOGY OF SOCIAL FORECASTING

Ya.Yu. Vasiliev

The philosophy and methodology of forecasting are in crisis situation. New ideas are necessary. As a perspective direction it is offered substantial approach entering concept of a social substance, subordinated to the law as the law of energy conservation. The mechanism of such connection assumes presence of two cooperating objects. For forecasting the substantial approach means orientation to searching two and more elements connected by the relation of mutual increase or reduction. Such connections allow to understand more deeply the mechanism of social changes and, accordingly, to make more exact forecasts.